

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ТВОРЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Наша ГОСТИ

ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ

ПЕРВЫЕ ЖЕ СПЕКТАКЛИ американской труппы «Роберт Джоффри балет» вызвали живой интерес и горячие споры. В искусстве американских гостей есть качества, вызывающие симпатию. В их спектаклях много задора, юношеского темперамента, энтузиазма, явно ощутима царящая в коллективе атмосфера дружеского соревнования, художественной сплоченности, которая рождает подлинный ансамбль, строгость сценической дисциплины. И, наконец, нельзя не заметить редкой увлеченности, радости творчества. Исполняются ли массовые танцы, участвуют ли актеры в малых ансамблях или ведут основную партию, они увлечены, полны артистической отдачи. Эта увлеченность, темперамент, юношеская непосредственность подчас помогают скрыть дефекты профессиональной школы. А они, бесспорно, есть, что особенно чувствуется в пластике рук и корпуса. Актеры, видимо, еще не приучены к соблюдению строгих законов классического танца и поэтому труппу «Роберт Джоффри балет» очень трудно, например, представить в классическом спектакле типа «Жизели», «Лебединого озера», «Шенниан». Такой эксперимент был бы явно не в ее пользу.

Однако следует сказать, что артистам «Роберт Джоффри балет» приходится сталкиваться с немалыми трудностями и с честью преодолевать их. Хореографические партии их спектаклей состоят из самых разнообразных пластических элементов. Здесь есть движения классической хореографии, обостренно подлинные приемы танца-модерн, наконец, просто физкультурные движения. Связь между этими приемами зачастую бывает очень хрупкой, но актеры хорошо научились владеть своеобразным стилем и даже образно действовать в нем. Почти все танцовщики драматически экспрессивны, и если они порой обретают первоздные, взысканные черты, то тут повинны, как нам кажется, не исполнители. В самих спектаклях много мрачных эпизодов, безвыходных композиций, психологической и танцевальной конвульсивности. Все это бесспорно налагает отпечаток на стиль актерского мастерства.

В этом смысле очень показательны балет «В доме страданий» — произведение значительное и драматически насыщенное. Хореограф Элли Элли предстает в нем мастером лаконичного, эмоционально напряженного действия, художником, умеющим лепить сложные характеры, создавать подлинно драматические ритмы сценического повествования.

...Мрачный мир окружает двух беззащитных влюбленных. С фанатической нестепленностью косятся против этой любви мать — жестокая, лицемерная, чем-то напоминающая монахиню-истязательницу. Ее спуту составляют дочери, завистливые, подострастные, с жестокими линиями плеч, доносчики, предатели. Сюзанн Коммонс, исполняющая роль Матери, рисует ее злобной мещанкой, религиозной ханжой, доводящей Дочь до гибели. Спектакль динамичен, в нем много интересных режиссерских находок, помогающих создать гнетущую атмосферу этого мира бесцеремония, лицемерия и интриги. Скупы, но образны внешние контуры спектакля. Действие происходит на черном фоне. Все черно, все серо, все мрачно. В этой жуткой атмосфере мечутся двое влюбленных, которые гибнут, не испытав радости, не познав счастья и, на сути дела, ничего не сказавши о себе, ни о своей любви. В скорбный путь их провожает монах с распятием, которым он только что благославлял зло. А за ними следуют убийцы и их пособники, неистово крестясь и стеля.

Робкую, светлую ноту пытаются внести в спектакль артисты Лиза Брайлей и Поль Садерленд, исполнители ролей несчастных влюбленных. Но их усилия тонут в сгущенно мрачной атмосфере. Хореография спектакля впечатляющая и образная. Но постановщик как бы боится говорить ясно, просто, без нарочито модернистских усложненных жестов и вериглифов.

В спектакле «На заре человечества» (музыка Поля Крестона, хореография Брайана Макдональда) жизненная светлая тема почему-то решена в абстрактно-акробатиче-

ской пластике, в графически изощренном танцевальном рисунке, в динамике, передающей какое-то сексуальное неистовство. В произведении Б. Макдональда высокое чувство любви не сделало людей теплее, сердечнее, возвышеннее. Балет скорее проповедует силу и торжество биологического инстинкта.

В миниатюрном и хореографически изобретательном балете «Морская тень» есть очень интересное образное пластическое начало. Оно прекрасно понято и выполнено актерами Л. Брайлей и П. Садерлендом. Но спектакль тоже овеян печально-безысходной дымкой, а балетмейстер Д. Арпино еще слобрил его причудливо акробатическим рисунком, нарочито сложными и эстетически рискованными позами.

Но у держащего молодого коллектива широкий репертуарный размах, разнообразие художественных интересов. Он умеет быть поэтически просветленным, умеет по-юношески громко и заразительно смеяться, озорничать, быть веселым и непосредственным.

Балет «Гамелан» возвращает нас в мир поэзии, чистых, возвышенных чувств, изящных ритмов, пастельно нежных красок. Спектакль Р. Джоффри покоряет тонким ощущением стиля японской поэзии, японского искусства. Пластические композиции оригинальны и свежи. Они напоминают изумительные японские рисунки. В их кратоте нет манерности, запутанности линий, сгущенности пластических приемов. Превосходный стилист Р. Джоффри оказывается и вдохновенным поэтом. В отличие от многих западных балетмейстеров Джоффри всесторонне развивается и совершенствуется

технику дуэтного танца, вводит смелые, но всегда художественно оправданные поддержки, укрупняет пластику мужского тлща, которую великомерно чувствует труппа.

Восторженно приветствовали москвичи Лолу Айзаксен и особенно Лоуренса Роуда, с техническим блеском исполнивших дуэт из балета Бурнонвилля «Фестиваль цветов». Техническая безупречность и внутренняя озорность помогли актерам придать старинному дуэту живые современные черты. Много изобретательности и настоящей выдумки у Б. Макдональда, в балете «Каприсы».

Первые программы американского балета заканчиваются бойким, озорным представлением «Прошлое мюзик-холла» — комедийным ревью, пародией на танцевальное искусство начала XX века. Арпино ехидно и остроумно высмеивает почти все танцевальные жанры, дежурные номера концертных программ с их нестротой, безукрасной, претензией на танцевальную хореографию. И там, где балетмейстер и актеры делают ироническое осуждение, танцевальные зарисовки получаются занятными и смешными. Так, в настоящем комедийном ключе созданы миниатюры «Солнечная мисс и ее кавалеры», «Болеро», «Американка». А вот «Танец с веерами», «Игра света», «Пять цилиндров», хотя и исполняются безупречно, будучи лишены комедийного начала, выглядят обыкновенными старомодными концертными номерами.

Уже первые спектакли молодого коллектива показали, что его творческая программа обширна и сложна. Пока еще трудно сказать, что же является для него главным, чему он отдает предпочтение на трудном пути экспериментов и поисков.

Николай ЭЛЬЯШ.

На снимке: сцена из балета «Прошлое мюзик-холла».